

СЕРГѢЙ ЕСЕНИНЪ.

ГОЛУБЕНЬ.

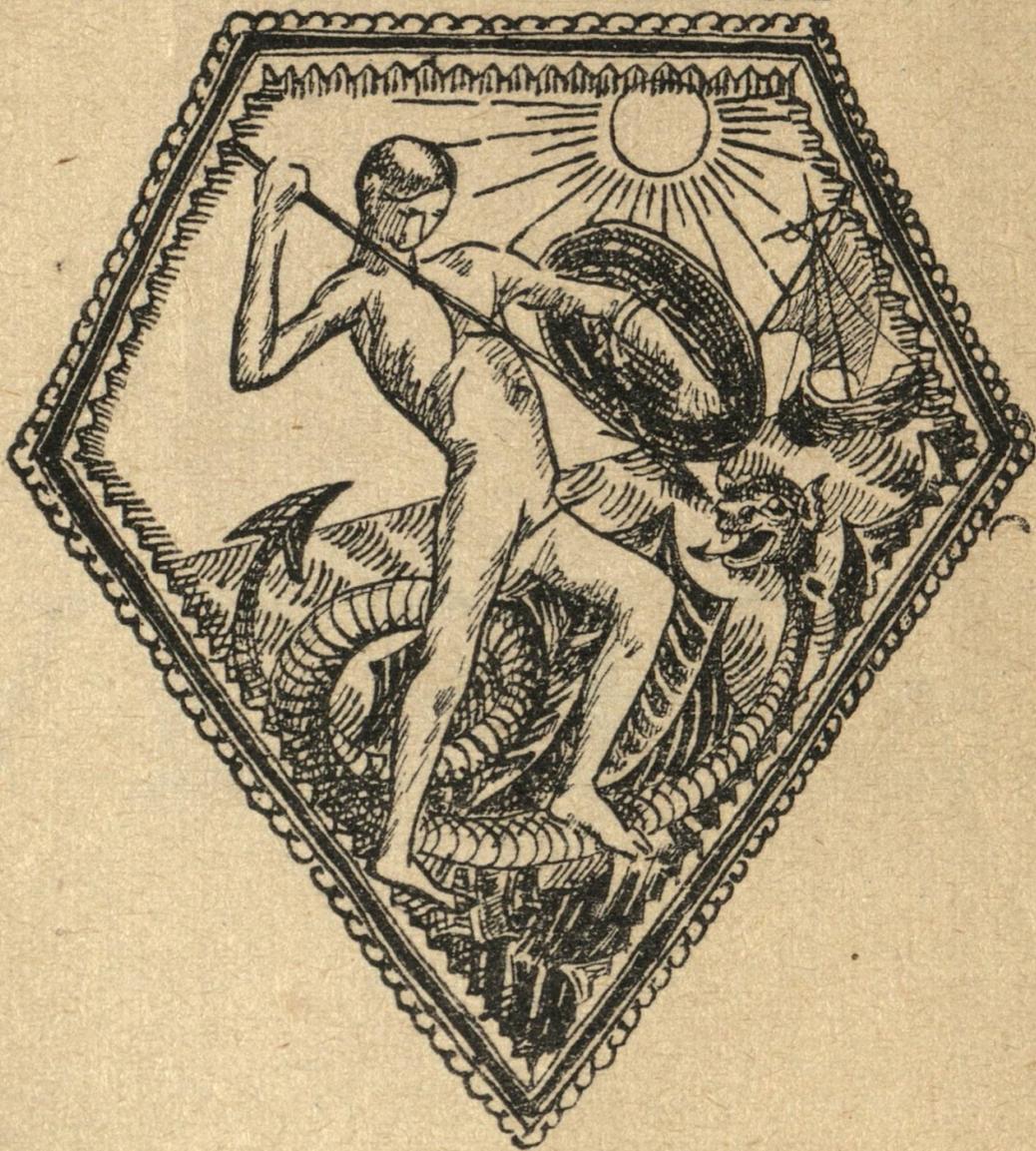

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1918.

СКІЮЫ

Издательство „Революціонный Соціализмъ“.

СЕРГѢЙ ЕСЕНИНЪ.

ГОЛУБЕНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1918.

ОДВАВЕРЬ

1918

ГОЛУБЕНЬ.

TOYARHP

ОКТОИХЪ.

Гласомъ моимъ пожру ты, Господи.

Ц. О.

О родина, счастливый
И неисходный часъ.
Нѣтъ лучше нѣтъ красивѣй
Твоихъ коровьихъ глазъ.

Тебѣ, твоимъ туманамъ,
И овцамъ на поляхъ,
Несу, какъ снопъ овсяный
Я солнце на рукахъ.

Святись преполовениемъ,
И рождествомъ святись,
Чтобъ жаждующіе бдѣнья
Извѣчемъ напились.

Плечми трясемъ мы небо,
Руками зыбимъ мракъ,
И въ тощій колось хлѣба
Вдыхаемъ звѣздный знакъ.

О Русь, о степь и вѣтры
И ты, о, отчій домъ!..
На золотой повѣти
Гнѣздится вешній громъ.

Овсомъ мы кормимъ бурю,
Молитвой поимъ долъ.
И пашню голубую
Намъ пашетъ разумъ волю.

И ни единый камень
Черезъ пращу и лукъ
Не подобьетъ надъ нами
Подъятье Божьихъ рукъ.

2.

— О Дѣво,
Марія!...—

поютъ небеса:

«На нивы златыя
Пролей волоса.

Омой наши лица
Рукою земли.
Съ загоръ вереницей
Плывутъ корабли.

Въ нихъ души усопшихъ
И память вѣковъ.
О горе, кто ропщеть
Не снявши оковъ!

Кричащему въ мракъ,
И бьющему лбомъ,
Подъ тайные знаки
Мы вратъ ни сомкнемъ.

Но сгибни, кто вышелъ
И узрѣлъ лишь мигъ.
Мы звѣздною крышей
Придавимъ слѣпыхъ.

3.

О Боже, Боже,
Ты ль
Качаешь землю въ снахъ?
Созвѣздья свѣтитъ пыль
На нашихъ волосахъ.

Шумить небесный кедръ
Черезъ туманъ и ровъ.
И на долину бѣдъ
Спадаютъ шишки словъ.

Поютъ они о дняхъ
Иныхъ земель и водъ,
Гдѣ на тугихъ вѣтвяхъ
Кусаль ихъ звѣздный ротъ.

И шепчутъ про кусты
Непроходимыхъ рощъ,
Гдѣ пляшетъ, снявъ порты,
Златоколѣнный дождь.

4.

Осанна въ вышнихъ!..
Холмы поютъ про рай,
И въ томъ раю я вижу
Тебя, мой отчій край.

Подъ маврикійскимъ дубомъ
Сидитъ мой рыжій дѣдъ.
И свѣтитъ его шуба
Горохомъ частыхъ звѣздъ.

И та кошачья шапка
Что въ праздникъ онъ носилъ.
Глядитъ какъ мѣсяцъ зябко
На снѣгъ родныхъ могилъ.

Съ холмовъ кричу я дѣду:
— О отче, отзовись!—
Но тихо дремлютъ кедры
Обвѣсивъ сучья внизъ.

Не долетаетъ голосъ
Въ его далекій брегъ...
Но чу! Звенить какъ колосъ
Съ земли растущій Снѣгъ.

«Возстань, прозри и вижди:
Не оскazuемъ рокъ.
Кто все живить и зиждить
Тстъ знаетъ часъ и срокъ.

Вострубятъ Божьи клики
Огнемъ и бурей трубъ.
И облакъ желтоклыкій
Прокусить млечный пупъ.

И вывалится чрево
Испепелить бразды...
Но тотъ кто мыслилъ Дѣвой
Взойдетъ въ корабль звѣзды.

За темной прядью перелѣсиць,
Въ неколебимой синевѣ,
Ягненочекъ кудрявый-мѣсяць
Гуляетъ въ голубой травѣ.

Въ затихшемъ озерѣ съ осокой
Бодаются его рога,—
И кажется съ тропы далекой
Вода качаетъ берега.

А степь подъ пологомъ зеленымъ
Кадить черемуховый дымъ,
И за долинами по склонамъ
Свиваетъ полымя надъ нимъ.

О сторона ковыльной пущи,
Ты сердцу ровностью близка,
Но и въ твоей таится гущѣ
Солончаковая тоска.

И ты какъ я, въ печальной требѣ,
Забывъ кто другъ тебѣ и врагъ,
О розовомъ тоскуешь небѣ
И голубиныхъ облакахъ.

Но и тебѣ изъ синей шири
Пугливо кажется темнота
И кандалы твоей Сибири
И горбъ уральскаго хребта.

Въ томъ краю гдѣ желтая крапива
И сухой плетень,
Пріютились къ вербамъ сиротливо
Избы деревень.

Тамъ въ поляхъ, за синей гущей лога,
Въ зелени озеръ,
Пролегла песчаная дорога
До сибирскихъ горъ.

Затерялась Русь въ Мордвѣ и Чуди,
Ни почемъ ей страхъ.
И идутъ по той дорогѣ люди,
Люди въ кандалахъ.

Всѣ они убійцы или воры,
Какъ судиль имъ рокъ.
Полюбилъ я грустные ихъ взоры
Съ впадинами щекъ.

Много зла отъ радости въ убійцахъ,
Ихъ сердца просты.
Но кривятся въ почернѣлыхъ лицахъ
Голубые рты.

Я одну мечту, скрываю, нѣжу,
Что я сердцемъ чистъ.
Но и я кого-нибудь зарѣжу
Подъ осенній свистъ.

И меня по вѣтряному свѣю,
По тому-ль песку,
Поведутъ съ веревкою на шеѣ
Полюбить тоску.

И когда съ улыбкой мимоходомъ
Распрямлю я грудь,
Языкомъ залижетъ непогода
Прожитой мой путь.

Я снова здѣсь, въ семьѣ родной,
Мой край, задумчивый и нѣжный!
Кудрявый сумракъ за горой
Рукою машетъ бѣлоснѣжной.

Сѣдины пасмурнаго дня
Плывутъ всклокоченныя мимо
И грусть вечерняя меня
Волнуетъ непреодолимо.

Надъ куполомъ церковныхъ главъ
Тѣнь отъ зари упала ниже.
О, други игрищъ и забавъ,
Ужъ я васъ больше не увижу!

Въ забвенье канули года,
Во слѣдъ и вы ушли куда-то.
И лишь по-прежнему вода
Шумитъ за мельницей крылатой.

И часто я въ вечерней мглѣ,
Подъ звонъ надломленной осоки,
Молюсь дымящейся землѣ
О невозвратныхъ и далекихъ.

Не бродить, не мять въ кустахъ багряныхъ
Лебеды, и не искать слѣда.

Со снопомъ волосъ твоихъ овсяныхъ
Отоснилась ты мнѣ навсегда.

Съ алымъ сокомъ ягоды на кожѣ,
Нѣжная, красивая, была
На закатъ ты розовый похожа
И какъ снѣгъ лучиста и свѣтла.

Зерна глазъ твоихъ осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло какъ звукъ.
Но остался въ складкахъ смятой шали
Запахъ меда отъ невинныхъ рукъ.

Въ тихій часъ, когда заря на крышѣ
Какъ котенокъ моетъ лапкой ротъ,
Говоръ кроткій о тебѣ я слышу
Водяныхъ поющихъ съ вѣтромъ сотъ.

Пусть порой мнѣ шепчетъ синій вечеръ,
Что была ты пѣсня и мечта,
Все жъ кто выдумалъ твой гибкій станъ и плечи
Къ свѣтлой тайнѣ приложилъ уста.

Не бродить, не мять въ кустахъ багряныхъ
Лебеды, и не искать слѣда.
Со снопомъ волосъ твоихъ овсяныхъ
Отоснилась ты мнѣ навсегда.

ОСЕНЬ.

Р. В. Иванову.

Тихо въ чашѣ можжевеля по обрыву.
Осень, рыжая кобыла, чешетъ гриву.

Надъ рѣчнымъ покровомъ береговъ
Слышенъ синій лязгъ ея подковъ.

Схимникъ вѣтеръ шагомъ осторожнымъ
Мнетъ листву по выступамъ дорожнымъ,

И цѣлуетъ на рябиновомъ кусту
Язвы красныя незримому Христу.

О красномъ вечерѣ задумалась дорога,
Кусты рябинъ туманнѣй глубины.
Изба-старуха челюстью порога
Жуетъ пахучій мякишъ тишины.

Осенній холодъ ласково и кротко
Крадется мглой къ овсяному двору;
Сквозь синь стекла желтоволосый отрокъ
Лучить глаза на галочью игру.

Обнявъ трубу сверкаетъ по повѣти
Зола зеленая изъ розовой печи.
Кого-то нѣтъ, и тонкогубый вѣтеръ
О комъ-то шепчетъ, сгнувшемъ въ ночи.

Кому-то пятками уже не мять по рошамъ
Щербленый листъ и золото травы.
Тягучій вздохъ, ныряя звономъ тощимъ,
Цѣлуется клювъ нахохленной совы.

Все гуще хмарь, въ хлѣву покой и дрема,
Дорога бѣлая узорить скользкій ровъ...
И нѣжно охаетъ ячменная солома,
Свисая съ губъ кивающихъ коровъ.

Ношь и поле, и крикъ пѣтуховъ...
Съ златной тучки глядитъ Саваоѳъ.

Расплескалася пѣгая мгла,
Вижу свѣтъ голубого крыла.

Тихо выплылъ изъ ровныхъ долинъ
Отчій домъ подъ кустами стремнинъ,

И обвѣтряный легкимъ дождемъ
Конскимъ потомъ запахъ черноземъ.

Здѣсь все такъ же, какъ было тогда,
Тѣ же рѣки и тѣ же стада.

Только ивы надъ краснымъ бугромъ
Обветшалымъ трясуть подоломъ.

Кто-то сгибъ, кто-то кануль во тьму,
Ужъ кому-то не пѣть на холму.

Мирно грезить родимый очагъ
О погибшихъ во мракѣ плечахъ.

Тихо, тихо въ божничномъ углу,
Мѣсяцъ мѣситъ кутью на полу...

Но тревожить лишь поминомъ тишь
Изъ-за печья пугливая мышь.

О, край дождей и непогоды,
Кочующая тишина,
Ковригой хлѣбною подъ сводомъ
Надломлена твоя луна.

За перепаханною нивой
Малиновая лебеда.
На вѣткѣ облака какъ слива
Златится спѣлая звѣзда.

Опять дорогой верстовою,
На переکورъ твоей бѣдѣ,
Бреду и чую яровое
По голубѣющей водѣ.

Клубить и пляшетъ дымъ болотный...
Но и въ кошмѣ пѣвучей тьмы
Неизрѣченностью животной
Напоены твои холмы.

ПОДЪ ОТЧИМЪ КРОВОМЪ.

ПРОПАВШІЙ МѢСЯЦЪ.

Облакъ, какъ мышь,
                                подбѣжалъ и взмахнулъ
Въ небо огромнымъ хвостомъ.
Словно яйцо
                                расколовшись скользнулъ
Мѣсяцъ за дальнимъ холмомъ.

Солнышко утромъ въ колодезь озеръ
Глянуло, —
                                Мѣсяца нѣтъ...
Свѣсило ноги оно на бугоръ
Кликнуло,
                                Мѣсяца нѣтъ.

Кличъ тотъ услышалъ съ рѣки рыболовъ,
Вздумалъ старикъ подшутить.
Отраженье отъ солнышка
                                Съ утреннихъ водъ
Сталъ онъ руками ловить.

Выловилъ.

Крѣпко скрутилъ бичевой,
Уши колѣномъ примялъ.
Вылѣзъ и тихо на лучъ золотой
Солнечныхъ вѣкъ
привязалъ.

Солнышко къ Богу глаза подняло
И сказало:

«тяжекъ мой трудъ!»
И вдругъ солнышку
что то вѣки свело,
Оглянулося —
мѣсяцъ какъ тутъ.

Какъ бѣлка на вѣткѣ у солнца въ глазахъ
Запрыгала радость...

Но вдругъ
Лучъ оборвался
и по скользкимъ холмамъ
Отраженье скатилось въ лугъ.

Солнышко испугалось...

А старый дѣдъ
Смѣясь грохоталъ какъ громъ.
И голубемъ синимъ
вечерній свѣтъ
Махалъ ему въ ротъ крыломъ.

Подъ краснымъ вязомъ крыльцо и дворъ,
Луна надъ крышей какъ златъ-бугоръ.

На синихъ окнахъ накапанъ ликъ:
Бредеть по тучѣ сѣдой старикъ.

Онъ смуглой горстью, межъ тихихъ древъ,
Бросаетъ звѣзды—озимый сѣвъ.

Взростаетъ нива и зерна душъ
Со звономъ неба спадаютъ въ глушь.

Я помню время, оно какъ звукъ,
Стучало клювомъ въ древесный сукъ.

Я былъ во злакъ, но костный умъ
Ужъ вѣрилъ въ поле и водный шумъ.

Въ межѣ подѣ елю, гдѣ облакъ-тынѣ,
Мнѣ снились рѣки златыхъ долинѣ.

И слышалѣ духѣ мой про край холмовѣ
Гдѣ есть рожденье въ посѣвѣ словѣ.

Не напрасно дули вѣтры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихимъ свѣтомъ
Напоилъ мои глаза.

Съ чьей-то ласковости вешней
Отгрустилъ я въ синей мглѣ
О прекрасной, но нездѣшной,
Не разгаданной землѣ.

Не гнететь нѣмая млечность,
Не тревожитъ звѣздный страхъ.
Полюбилъ я міръ и вѣчность
Какъ родительскій очагъ.

Все въ нихъ благостно и свято,
Все тревожное свѣтло.
Плещетъ рдяный макъ заката
На озерное стекло.

И невольно въ море хлѣба
Рвется образъ съ языка:
Отелившееся небо
Лижетъ краснаго телка.

КОРОВА.

Дряхлая, выпали зубы,
Свитокъ годовъ на рогахъ.
Биль ея выгонщикъ грубый
На перегонныхъ поляхъ.

Сердце не ласково къ шуму,
Мыши скребуть въ уголкѣ.
Думаетъ грустную думу
О бѣлоногомъ телкѣ.

Не дали матери сына,
Первая радость не прокъ.
И на колу подь осиной
Шкуру трепаль вѣтерокъ.

Скоро на гречневомъ свѣѣ,
Съ той же сыновней судьбой,
Свяжутъ ей петлю на шеѣ
И поведутъ на убой.

Жалобно, грустно и тоще,
Въ землю вопьются рога...
Снится ей бѣлая роша
И травяные луга.

Твой гласъ незримый, какъ дымъ въ избѣ
Смирненнымъ сердцемъ молюсь тебѣ.

Овсяннымъ ликомъ питаю духъ,
Помощникъ жизни и тихій другъ.

Рудою солнца посѣянъ свѣтъ,
Для вѣчной правды названья нѣтъ.

Считаетъ время песокъ мечты,
Но новыхъ зеренъ прибавилъ ты.

Въ незримыхъ пашняхъ растутъ слова,
Смѣшалась съ думой ковыль-трава.

На крѣпкихъ сгибахъ воздѣтыхъ рукъ
Возводитъ церкви строитель звукъ.

Есть радость въ душахъ топтать твой цвѣтъ,
На первомъ снѣгѣ свой видѣть слѣдъ.

Но краше кротость и стихшій пылъ
Склонившихъ вѣки предъ звономъ крыль.

Заглушила засуха засѣвки,
Сохнетъ рожь и не всходятъ овсы.
На молебень съ хоругвями дѣвки
Потащились въ комляхъ полосы.

Собрались прихожане у чаши
Лихоманную грусть затая.
Загузынилъ дьячишко лядащій
«Спаси Господи люди твоя».

Открывались небесныя двери,
Дьяконъ бавкнулъ изъ кряжистыхъ силъ:
«Еще молимся братья о вѣрѣ
Чтобы Богъ намъ поля оросилъ».

Заливались веселыя птахи
Крапаль брызгами попъ изъ горстей,
Стрекотуньи сороки, какъ свахи,
Накликали дождливыхъ гостей

Зыбко пѣнились зори за рощей,
Какъ холстины ползли облака,
И туманно по быльницѣ тощей
Межъ кустовъ ворковала рѣка.

Скинувъ шапки молясь и вздыхая
Говорили промежъ мужики:
Колосилась то ярь не плохая,
Да сгубили сухіе деньки.

На конѣ черной тучицѣ въ санкахъ
Билось пламя шлея... синь и дрожь.
И кричали парнишки въ еланкахъ:
«Дождикъ, дождикъ, полей нашу рожь!».

Не отъ холода рябинушка дрожитъ,
Не отъ вѣтра море синее кипитъ.

Напоили землю радостью снѣга
Снятся дѣду Іорданскіе брега.

Видитъ въ долахъ онъ озера да кусты,
Черезъ озера перекинуты мосты.

Какъ по мостику кудрявъ и желторусь.
Бродитъ отрокъ, Сынъ Іосифа, Исусь.

Отъ восхода до заката въ хмарѣ водъ
Кличетъ утиць онъ и рыбешекъ зоветъ:

«Вы сходитесь ко мнѣ твари за корму,
Научите меня разуму-уму».

Какъ по бережку межъ вымоинъ и горъ
Тихо льется ихъ бесѣда-разговоръ.

Мелка рыбешка, спляснувшись на песокъ,
Подаетъ ли свой подводный голосокъ.

«Ужь ты чадо, мило дитяtko, Христось,
Мы пришли къ тебѣ съ поклономъ на допросъ.

Ты иди, учись въ пустыняхъ, да лѣсахъ
Наша тайна отразилась въ небесахъ».

Весна на радость не похожа
И не отъ солнца желтъ песокъ.
Твоя обвѣтряная кожа
Лучила гречневый пушокъ.

У голубого водополя
На шишкоперой лебедѣ
Мы поклялись, что будемъ двое
И не разстанемся нигдѣ.

Кадила темь, и вечеръ тощій
Свивался въ огненной рѣзбѣ,
Я проводилъ тебя до роши
Къ твоей родительской избѣ.

И долго долго въ дремѣ зыбкой
Я оторвать не могъ лица
Когда ты съ ласковой улыбкой
Махалъ мнѣ шапкою съ крыльца.

Къ теплomu свѣту, на отчій порогъ,
Тянетъ меня твой задумчивый вздохъ.

Ждутъ на крылечкѣ тамъ бабка и дѣдъ,
Рѣзваго внука подсолнечныхъ лѣтъ.

Строенъ и бѣлъ, какъ березка, ихъ внукъ,
Съ медомъ волосьевъ и бархатомъ рукъ.

Только, о другъ, по глазамъ голубымъ—
Жизнь его въ мѣрѣ пригрезилась имъ.

Шлетъ имъ лучистую радость во мглу
Свѣтлая дѣва въ иконномъ углу.

Съ тихой улыбкой на тонкихъ губахъ
Держить ихъ внука она на рукахъ.

Заря надъ полемъ какъ красный тынь
Плыветъ на тучкѣ превѣчный сынъ.

Вотъ вышла бабка кормить цыплятъ,
Горитъ на небѣ святой окладъ.

— Здорово внучекъ!—

— Здорово свѣтъ!—

— Зайди въ избушку—

— А дома ль дѣдъ?—

— Онъ чинить неводъ ловить ершей.—

— А много ль дѣду отъ роду дней?

— Ужъ скоро девять десятковъ зимъ.—

И вспорхнулъ внучекъ какъ бѣлый дымъ.

Съ душою дѣда поплылъ въ туманъ,

Гдѣ зрѣетъ полдень незримыхъ странъ.

Алый мракъ въ небесной черни
Начертилъ пожаромъ грань.
Я пришелъ къ твоей вечернѣ
Полевая глухомань.

Не легка моя кошница
Но глаза синѣе дня.
Знаю мать земля черница
Всѣ мы тѣсная родня.

Разошлись мы въ даль и шири
Подъ лазоревымъ крыломъ,
Но сзоветъ насъ изъ псалтири
Заревой зарѣ псаломъ.

И придемъ мы по равнинамъ
Къ правдѣ сошьяго креста
Свѣтомъ книги голубиной
Напоить свои уста.

О товарищахъ веселыхъ,
О поляхъ посеребренныхъ,
Загрустила, словно голубь,
Радость лѣтъ уединенныхъ.

Ловить память тонкимъ клювомъ
Первый снѣгъ и первопутокъ.
Въ санкахъ озера надъ лугомъ
Запоздалый окрикъ утокъ.

Подъ окномъ отъ скользкихъ елей
Тѣнь протягиваетъ руки,
Тихихъ водъ парагушъ квелый
Куритъ люльку на излукѣ.

Легкимъ дымомъ къ дальнимъ пожнямъ
Шлетъ поклонъ день ласкъ и вишень.
Запахъ травъ отъ бабьей кожи
На губахъ моихъ я слышу.

Миръ вамъ, роши, лугъ и липы,
Лити медовый ладанъ!
Все пріавшему съ улыбкой
Ничего отъ васъ не надо.

ЗЛАТОЙ ПОСѢВЪ.

У С Ъ.

Не бѣлы снѣга по-надъ Дономъ
Заметали степь синимъ звономъ.
Подъ крутой горой, что-ль подъ тыномъ,
Разставалась мать съ вѣрнымъ сыномъ.

Ты прощай мой сынъ, прощай чадо,
Знать, пришла пора, ѣхать надо!
Захирѣлъ нашъ долъ по-надъ Дономъ,
Подъ пятой Москвы, подъ полономъ.

То не водный звонъ за путиной—
Бьетъ копытомъ конь подъ осиной.
Подъ красневу дремь, подъ сугредокъ
Отвѣчалъ ей сынъ напоследокъ:

— «Ты не стой, не плачь на дорогу,
Зажигай свѣчу, молись Богу.
Соберу я Донъ, вскручу вихорь,
Полоню царя, сниму лихо».

Не рѣка въ бугоръ била пѣной, —
Вынималъ онъ ножъ съ подколѣна,
Отрѣзалъ съ губы усъ чернявый,
Говорилъ слова надъ дубравой:

— «Ужъ ты, мать моя, голубица,
Сбереги ты усъ на божницѣ;
Окропи его краснымъ звономъ,
Положи его подъ икону!»

Гикалъ-ухалъ онъ подъ туманомъ,
Подымалась пыль за курганомъ.
А она въ отвѣтъ, какъ не рада:
— «Ужъ ты, сынъ ли мой, мое чадо!»

На крутой горѣ, подъ Калугой,
Повѣнчался Усъ съ синей вьюгой.

Лежитъ онъ на снѣгу подъ елью,
Съ весела-разгула, съ похмелья.

Передъ нимъ все знать да бояры,
Въ рукахъ золотыя чары.

— «Не гнушайся ты, Усь, не злобуй,
Подымись, хоть пригубь, попробуй!

Нацѣдили мы винъ красносокыхъ,
Изъ грудей изъ твоихъ изъ высокихъ,

Какъ пьяна съ нихъ твоя супруга,
Бѣлокосая дѣвица-вьюга!»

Молчитъ Усь, не кинетъ взгляда,—
Ничего ему отъ земли не надо.

О другой онъ землѣ гадаеть,
О другихъ небесахъ вздыхаетъ...

Заждалася сына дряхлая вдовица,
День и ночь горюя, сидя подъ божницей.
Вотъ прошло-проплыло ужъ второе лѣто.
Снова снѣгъ на полѣ, а его все нѣту.

Подошла, взглянула въ мутное окошко...
— «Не одна ты въ полѣ катишься, дорожка!»
Свищетъ соколь-вѣтеръ, бредитъ тихимъ Дономъ.
— «Хорошо бѣ прижаться къ золотымъ иконамъ...»

Сѣла и прижалась, смотрить, кротко, кротко...

— «На кого жъ похожъ ты, свѣтлоглазый отрокъ?»

— «А! — сверкнули слезы надъ увядшимъ усомъ, —

— Это ты, о сынъ мой, смотришь Іисусомъ!»

Радостью свѣтитъ она изъ угла.

Пѣсню запѣла и гребень взяла.

Ликъ ея старческой ласковъ и строгъ.

Встанетъ, присядетъ за печь, на порогъ.

Вечеръ морозный, какъ волкъ, темнобуръ.

Кличетъ цыплятъ и нахохленныхъ куръ.

«Цыпушки-цыпы, свѣтъ-пѣтушокъ!..»

Крѣпокъ въ рукѣ роговой гребешокъ.

Стала, уставилась лбомъ въ темноту,

Чешетъ волосья младенцу Христу.

Пѣсня, лугъ, рѣки затоны,
Эта жизнь мнѣ только снится.
Свѣтъ отъ розовой иконы
На золотыхъ моихъ рѣсницахъ.

Пусть не я, тотъ нѣжный отрокъ,
Въ плескъъ крыльевъ голубиныхъ.
Сонъ мой радостенъ и кротокъ
На рукахъ твоихъ невинныхъ.

Мнѣ не нуженъ вздохъ могилы,
Слову съ тайной не обняться.
Научи, чтобъ можно было
Никогда не просыпаться.

✓
Запѣли тесанья дроги
Бѣгутъ равнины и кусты.
Опять часовни на дорогѣ
И поминальные кресты.

Опять я теплой грустью боленъ
Отъ овсяного вѣтерка.
И на известку колоколенъ
Невольно крестится рука.

О Русь, малиновое поле,
И синь упавшая въ рѣку.
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Холодной скорби не измѣрить
Ты на туманномъ берегу.
Но не любить тебя, не вѣрить—
Я научиться не могу.

И не отдамъ я эти цѣпи
И не разстанусь съ долгимъ сномъ,
Когда звенять родныя степи
Молитвословнымъ ковылемъ.

ГОЛУБЕНЬ.

Въ прозрачномъ холодѣ заголлубѣли доли,
Отчетливъ стукъ подкованныхъ копытъ.
Трава поблекшая въ разстеленныя полы
Сбираетъ мѣдь съ обвѣтряныхъ ракитъ.

Съ пустыхъ лощинъ ползетъ дугою тощей
Сырой туманъ, курчаво свившись въ мохъ
И вечеръ, свѣсившись надъ рѣчкою, полощетъ
Водою бѣлой пальцы синихъ ногъ.

* *
*

Осеннимъ холодомъ расцвѣчены надежды
Бредетъ мой конь, какъ тихая судьба,
И ловить край махающей одежды
Его чуть мокрая буланая губа.

Въ дорогу дальнюю, ни къ битвѣ, ни къ покою,
Влекутъ меня незримые слѣды,
Погаснетъ день, мелькнувъ пятой златою
И въ коробъ лѣтъ улягутся труды.

* *
*

Сыпучей ржавчиной краснѣютъ по дорогѣ
Холмы плѣшивые и слегшійся песокъ,
И пляшетъ сумракъ въ галочьей тревогѣ
Согнувъ луну въ пастушескій рожокъ.

Молочный дымъ качаетъ вѣтромъ села,
Но вѣтра нѣтъ, есть только легкій звонъ.
И дремлетъ Русь въ тоскѣ своей веселой
Вцѣпивши руки въ желтый крутосклонъ.

* *
*

Манить ночлегъ, недалеко до хаты,
Укропомъ вялымъ пахнетъ огородъ,
На грядки сѣрыя капуста волноватой
Рожокъ луны по каплѣ масло льетъ.

Тянусь къ теплу, вдыхаю мягкость хлѣба
И съ хруптомъ мысленно кусаю огурцы,
За ровной гладью вздрогнувшее небо
Выводитъ облако изъ стойла подъ уздцы.

* *
*

Ночлегъ, ночлегъ, мнѣ издавна знакома
Твоя попутная разымчивость въ крови,
Хозяйка спить, а свѣжая солома
Примята ляжками вдовѣющей любви.

Уже свѣтаетъ, краской тараканьей
Обведена божница по углу,
Но мелкій дождь своей молитвой ранней
Еще стучить по мутному стеклу.

* *
*

Опять передо мною голубое поле,
Качаютъ лужи солнца рдяный ликъ.
Иныя въ сердцѣ радости и боли
И новый говоръ липнетъ на языкъ.

Водою зыбкой стынетъ синь во взорахъ,
Бредетъ мой конь откинувъ удила,
И горстью смуглою листвы послѣдній ворохъ
Кидаетъ вѣтеръ вслѣдъ изъ подола.

Прощай родная пуща,
Прости златой родникъ.
Плывуть и рвутся тучи
О солнечный сошникъ.

Сіяй ты, день погожій,
А я хочу грустить.
За голенищемъ ножикъ
Мнѣ больше не носить.

Подъ брюхомъ жеребенка
Въ глухую ночь не спать,
И радостию звонкой
Лѣсовъ не оглашать.

И не избѣгнуть бури,
Не миновать утратъ,
Чтобъ прозвенѣть въ лазури
Кольцомъ незримыхъ вратъ.

Покраснѣла рябина
Посинѣла вода.
Мѣсяцъ всадникъ унылый
Уронилъ повода.

Снова выплылъ изъ роши
Синимъ лебедемъ мракъ.
Чудотворныя мощи
Онъ принесъ на крылахъ.

Край ты, край мой, красивый,
Вѣчный пахарь и вой,
Словно Волга подъ ивой
Ты поникъ головой.

Встань, пришло исцѣленье,
Навѣстилъ тебя Спасъ.
Лебединое пѣнье
Нѣжить радугу глазъ

Дня закатнаго жертва
Искупила весь грѣхъ
Новой свѣжестью вѣтра
Пахнетъ зрѣющей снѣгъ.

Но незримыя дрожди
Все теплѣй и теплѣй...
Помяну тебя въ дождикъ
Я, Есенинъ Сергѣй.

Въ лунномъ кружевѣ украдкой
Ловить призраки долина.
На божницѣ за лампадкой
Улыбнулась Магдалина.

Кто то дерзкій, непокорный,
Позавидовалъ улыбкѣ.
Вспучилъ бѣльма вечеръ черный
И луна какъ въ бѣлой зыбкѣ.

Разыгралась тройка вьюга,
Брызжетъ потъ, холодный, терпкій,
И плакучая лищуга
Лѣзетъ къ вѣтру на закорки.

Смерть въ потемкахъ точить бритву...
Воцъ, ужъ плачетъ Магдалина.
Помяни мою молитву
Тотъ, кто ходитъ по долинамъ.

То не тучи бродягъ за овиномъ
И не холодъ.

Замѣсила Божья мать сыну
Колобъ.

Всякой снадобью она поила жито
Въ маслѣ.

Испекла и положила тихо
Въ ясли.

Заигрался въ радости младенецъ
Паль въ дрему.

Уронилъ онъ колобъ золоченый
На солому.

Покатился колобъ за ворота
Рожью.

Замутили слезы душу голубую
Божью.

Говорила Божья мать сыну
Совѣты.

Ты не плачь, мой лебеденочекъ,
Не сѣтуй.

На землѣ всѣ люди человекѣ
Чада.

Хоть одну имъ малую забаву
Надо.

Жутко имъ межъ темныхъ
Перелѣсицъ,
Назвала я этотъ колобъ
— Мѣсяць.

Тучи съ ожереба
Ржутъ, какъ сто кобыль.
Плещеть надо мною
Пламя красныхъ крыль.

Небо, словно вымя,
Звѣзды, какъ сосцы.
Пухнетъ Божье имя
Въ животѣ овцы.

Вѣрю: завтра рано,
Чуть забрезжить свѣтъ.
Новый подъ туманомъ
Вспыхнетъ Назаретъ.

Новое возславятъ
Рождество поля,
И какъ песь пролаетъ
За горой заря.

Только знаю: будетъ
Страшный вопль и крикъ
Отрекутся люди
Славить новый ликъ.

Скрежетомъ булата
Вздыбятъ пасть земли...
И со щекъ заката
Спрыгнуть скулы-дни.

Побѣгутъ какъ лыни
Въ степь иныхъ сторонъ
Гдѣ вздымаетъ длани
Новый Симеонъ.

ЛИСИЦА.

А. М. Ремизову.

На раздробленной ногѣ приковыляла,
У норы свернулася въ кольцо.
Тонкой прошвой кровь отмежевала
На снѣгу дремучее лицо.

Ей все бластился въ колючемъ дымѣ выстрѣлъ
Колыхалася въ глазахъ лѣсная топь.
Изъ кустовъ косматый вѣтеръ взбыстрилъ
И рассыпалъ звонистую дробь.

Какъ желна надъ нею мгла металась,
Мокрый вечеръ липокъ былъ и аль.
Голова тревожно подымалась
И языкъ на ранѣ застывалъ.

Желтый хвостъ упалъ въ мятель пожаромъ,
На губахъ какъ прѣлая морковь...
Пахло инеемъ и глинянымъ угаромъ,
А въ ошуръ сочилась тихо кровь.

О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крѣпъ.
Съ иными именами
Встаетъ иная степь.

По голубой долинь
Межъ телокъ и коровъ
Идетъ въ златой ряднинѣ
Твой Алексѣй Кольцовъ.

Въ рукахъ краюха хлѣба,
Уста вишневый сокъ.
И вызвѣздило небо
Пастушескій рожокъ.

За нимъ съ снѣговъ и вѣтра
Изъ монастырскихъ вратъ
Идетъ одѣтый свѣтомъ
Его середній братъ.

Отъ Вытегры до Шуи
Онъ избраздилъ весь край
И выбралъ кличку Ключевъ,
Смиренный Миколай.

Монашья мудръ и ласковъ
Онъ весь въ рѣзбѣ молвы
И тихо сходить пасха
Съ безкудрой головы.

А тамъ за взгорьемъ смолымъ
Иду тропу тая,
Кудрявый и веселый
Такой разбойный я.

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны горъ.
Но даже съ тайной Бога
Веду я тайно споръ.

Сшибаю камнемъ мѣсяць
И на нѣмую дрожь
Бросаю, въ небо свѣсясь,
Изъ голенища ножъ

За мной незримымъ роемъ
Идетъ кольцо другихъ
И далеко по селамъ
Звенить ихъ бойкій стихъ.

Изъ травъ мы вяжемъ книги,
Слова трясемъ съ двухъ полей,
И сродникъ нашъ Чапыгинъ
Пѣвучъ какъ снѣгъ и доль.

Сокройся, сгинь ты племя
Смердящихъ сновъ и думъ,
На каменное темя
Несемъ мы звѣздный шумъ.

Довольно гнить и ноять.
И славить взлетомъ гнусь,
Ужъ смыла стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Ужъ повела крылами
Ея нѣмая крѣпъ,
Съ иными именами
Встаетъ иная степь.

Гляну въ поле, гляну въ небо,
И въ поляхъ и въ небѣ рай.
Снова тонетъ въ копнахъ хлѣба
Незапаханный мой край.

Снова въ рощахъ непасенныхъ
Неизбывныя стада.
И струится съ горъ зеленыхъ
Златоструйная вода.

О, я вѣрю, знать за муки
Надъ пропащимъ мужикомъ,
Кто то ласковыя руки
Проливаетъ молокомъ.

Тамъ гдѣ вѣчно дремлетъ тайна
Есть нездѣшнія поля.
Только гость я, гость случайный
На горахъ твоихъ земля.

Широки лѣса и воды,
Крѣпокъ взмахъ воздушныхъ крылъ.
Но вѣка твои и годы
Затуманилъ бѣгъ свѣтилъ.

Не тобой я поцѣлованъ,
Не съ тобой мой связанъ рокъ.
Новый путь мнѣ уготованъ
Отъ захода на востокъ.

Суждено мнѣ изначально
Возлетѣть въ нѣмую тьму.
Ничего я въ часъ прощальный
Ни оставлю никому.

Но за міръ твой, съ выси звѣздной,
Въ тотъ покой гдѣ спить гроза,
Въ двѣ луны зажгу надъ бездной
Незакатные глаза.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГОЛУБЕНЬ.

	СТР.
Октоихъ	7
За темной прядью перелѣсиць	13
Въ томъ краю, гдѣ желтая крапива	15
Я снова здѣсь, въ семьѣ родной	19
Не бродить не мять въ кустахъ багряныхъ	19
Осень	21
О красномъ вечерѣ задумалась дорога	22
Ночь и поле	24
О край дождей и непогоды	26

ПОДЪ ОТЧИМЪ КРОВОМЪ.

Пропавшій мѣсяць	29
Подъ краснымъ вязомъ крыльцо и дворъ	31
Не напрасно дули вѣтры	33
Корова	35
Твой гласъ незримый	37
Заглушила засуха засѣвки	39
Ни отъ холода рябинушка дрожить	41
Весна на радость не похожа	43
Къ теплomu свѣту на отчій порогъ	44
Заря надъ полемъ, какъ красный тынъ	45
Алый мракъ	46
О товарищахъ веселыхъ	47

ЗЛАТОЙ ПОСЪВЪ.

	СТР.
Усь	51
Пѣсня, лугъ	55
Запѣли тесанья дроги	56
Голубень	58
Прощай родная пуща	61
Покраснѣла рябина	62
Въ лунномъ кружевѣ	64
То не тучи бродятъ за овиномъ	65
Тучи съ ожереба	67
Лисица	69
О Русь взмахни крылами	70
Гляну въ поле	73
Тамъ, гдѣ вѣчно дремлетъ тайна	74

КНИГИ СЕРГЪЯ ЕСЕНИНА.

Радуница. Спб. 1915. Изданіе Аверьянова ц. 70 к. (Распродано).

Инонія. (Готовится).

Исусъ младенецъ, сказка для дѣтей. Спб. 1918. Изданіе „Сегодня“, ц. 40 к.

Овца въ раю. Стихи для дѣтей. (Готовится).

ТИПОГРАФС 500 ЭКЗ

МУК "РЯЗАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ С.А. ЕСЕНИНА"
ГИК - 540
А074-157

0 1. 1-1991 K

M

1991 2 1.50

2 p.